

Fixierung, an deren Stichhaltigkeit man ernsthaft zweifeln sollte (s. K. Mülenbacha *Latviešu valodas vārdnīca. Redīgējis, papildinājis, turpinājis J. Endzelīns, III. sēj., Rīga 1927—1929, S. 195 sub *peļāda**). Die tatsächlich aus dem Sprachgebrauch aufgezeichnete Form ist *peļāda* 'rauhhäutige Fledermaus' (ibid., S. 198) und 3. ist die Übersetzung des lettischen Beispiels nicht 'Haut + Maus', sondern 'Maus + Haut'. Sub *devla* 'Gott (scherzhaft)' wird als Vergleichsmaterial unter anderem lit. *dēvas, diēvas* 'Gott' gebracht, doch handelt es sich hierbei nicht um zwei lautlich divergierende Varianten, sondern um ein grafisches Trugbild: mit *ē* ist der Diphthong *ie* (und mit *ū* der Diph-

thong *uo*) in August Schleichers "Litauische Grammatik" (1856) und inkonsequent auch noch von manch anderem Autor des vergangenen Jahrhunderts festgehalten worden.

EWU ist in fünf Lieferungen geplant, die in der ersten Hälfte des 90er Jahre erscheinen sollen. Die Register werden in die letzte Lieferung aufgenommen. Die Autoren des Wörterbuches haben die Hoffnung zum Ausdruck gebracht, daß mit diesem Werk ein wissenschaftlich fundiertes Bild über die Geschichte der ungarischen Lexik vermittelt werden soll. Bereits nach dem Erscheinen der ersten zwei Lieferungen wird deutlich, daß am Gelingen dieses Vorhabens kein Zweifel aufkommt.

LEMBIT VABA (Tallinn)

<https://doi.org/10.3176/lu.1994.1.11>

E. Kaгаине, Semantiskie dialektismi Ziemeļrietumvidzemes izloksnēs, Rīga, "Zinātne", 1992. 295 c. [Представлена к защите на ученую степень *doctor habilitatus* филологии]

21 сентября 1993 г. на промоционном совете отделения языкознания Латвийского университета защитила свою опубликованную в печати (см. выше) работу на ученую степень *doctor habilitatus* филологии ведущий научный сотрудник Латвийского института языка Элга Кагаине. Официальными оппонентами на защите были *doctor habilitatus* филологии А. Рекена (Лиепайский педагогический институт), *doctor habilitatus* филологии М. Рудзите (Латвийский университет), *doctor habilitatus* филологии А. Блинкена (Латвийский институт языка). Письменные отзывы о работе прислали сотрудник отдела словарей Литовского института языка В. Виткаускас, З. Зинкевичюс из Вильнюсского университета и один из нижеподписавшихся — сотрудник Эстонского института языка Лембит Ваба.

Элга Кагаине — продуктивный исследователь, хорошо известная эстонским диалектологам трудами, посвященными эстонскому влиянию на латышский диалектный язык, а в особенности — как одна из авторов трехтомного словаря говора Эргеме (см. рецензию на словарь: L. Vaba, *Härgmäe sõnaraamat ja ühemurdesõnaraamatute koostamine Lätis. — КК 1981, с. 313—314*).

В работе «Семантические диалекти-

мы говоров северо-западного Видземе» рассматривается семантика говоров пограничной с Эстонией северо-западной части Латвии на фоне латышского литературного языка. Дialeктный материал собран в 21 волости и между прочим также на территории салацких ливов, в ряде пограничных с Эстонией волостей (Ипики, Эргеме, Лугажи, Валка) и опустевшего от эстонцев во время Северной войны и впоследствии ставшего чисто латышским регионе Рухья. Э. Кагаине поставила целью проследить процесс образования особенностей диалектной семантики северо-западного Видземе, а также выяснение тенденций развития. Исследователь предлагает типологические параллели и возможные семантические заимствования. Ниже остановимся лишь на тех моментах работы, в которых рассматриваются встречающиеся в северо-западных говорах следы прибалтийско-финского (эстонского, ливского) языкового влияния. Э. Кагаине подчеркивает, что выяснение семантического влияния — задача сложная, далеко не всегда есть возможность довести анализ до конца. Наряду с взаимными прямыми заимствованиями следует учитывать параллельное заимствование из третьего языка и тот факт, что анализируемое значение

могло возникнуть в языке совершенно самостоятельно, на основе общих внеязыковых причин (близкие географические, экономические, социальные и т.п. обстоятельства, близкая или единая психика). На параллельные семантические развития в эстонском языке Э. Кагайне указывает в пределах доступных ей лексикографических источников. Она констатирует, что латыши, носители говоров северо-западного Видземе, на протяжении истории имели больше всего прямых контактов с ливским, эстонским, немецким и русским языками.

Рассматривая влияние прибалтийско-финских языков на семантику северо-западных латышских диалектов, исследователь подчеркивает роль географического критерия при определении заимствованных значений. Эстонский следует иметь в виду как возможный источник заимствования уже потому, что он является непосредственным соседом северо-западных говоров. Нельзя забывать и ливский, так как часть рассматриваемых латышских говоров базируется на очевидном ливском субстрате. Особенно основательно Э. Кагайне проработала ту часть своего исследования, которая рассматривает семантические развития в лексике говоров северо-западного Видземе, возникшие под влиянием прибалтийско-финских языков. К этой теме ранее обращались П. Арумаа, К. Абен, Я. Эндзелин, а также сама Э. Кагайне в ряде коротких статей. Но столь обширный материал, собранный из как опубликованных, так и рукописных источников, анализируется впервые. Э. Кагайне делит возможные прибалтийско-финские семантические влияния на три группы: 1) семантико-грамматические параллели; 2) семантические параллели, связанные с соматизмами *galva* 'голова', *kāja* 'нога', *mugura* 'спина', *roka* 'рука' со специфическим локативным значением; 3) семантические параллели конкретных слов. Такое разделение, на наш взгляд, достаточно удачно. В первой группе автор рассматривает замену характерных для латышского языка конструкций глагол + наречие. Конструкция глагол + наречие уже издавна считалась убедительным доказательством прибалтийско-финского влияния. По наблюдениям Э. Кагайне, на северо-западе Латвии названные конструкции употребляются значительно чаще, чем в общелатышс-

ком языке. В связи с этим она приводит некоторые ценные наблюдения: если в общем и литературном языке названные конструкции чаще всего служат выражению видового значения глагола, то в северо-западных говорах они нередко представляют собой к тому же семантически сильно разветвленные устойчивые словосочетания. Кагайне стремится найти этим конструкциям синтаксически и семантически идентичные прибалтийско-финские соответствия. Ливские соответствия приводятся в исследовании чрезвычайно редко, эстонские соответствия подчеркнуты в словаре Видемана, sporadически представлены финские параллели. Исследователь не всегда обнаруживает соответствия в доступных ей источниках. Отсутствие прямых соответствий в прибалтийско-финских языках, по ее мнению, доказывает глубокую внедренность конструкций глагол + наречие в латышский язык и их самостоятельное развитие в говорах северо-западного региона. Конечно же, нет оснований оспаривать этот вывод, но привлечение более обширного сравнительного материала повысило бы степень достоверности выводов.

Во вторую группу, как было сказано, собраны случаи адвербиального использования локативной формы четырех соматических слов *galvā, kājā, mugurā, rokā*. Эти словосочетания на фоне префиксальных латышских глаголов обратили на себя внимание многих исследователей. Своей работой Э. Кагайне вводит в научный оборот много свежего и систематически проработанного материала. Она констатирует, что по сравнению с общим и литературным языком использование таких словосочетаний в диалектном языке северо-западного региона значительно шире и семантически более нюансировано, особенно это касается словосочетаний с *rokā*.

В третьей группе рассматриваются остальные случаи, не вошедшие в первую и вторую группы. Здесь выясняется, что например словосочетания с латышским глаголом *likt* на фоне остальной языковой территории в пограничных волостях имеют целый ряд очень специфических значений, возникновение которых определено связано с эстонским языком.

Тема прибалтийско-финского влияния затрагивается и в других разделах иссле-

дования, так, на с. 241 приводятся примеры фонетического развития *st- > t-*; автор разделяет мнение тех исследователей, которые усматривают здесь эстонское влияние (наряду с балтийским подвижным *s*-феноменом и народной этимологией).

Очень хотелось бы верить, что Элга Кагаине найдет в себе силы и желание, а

также достаточно времени, чтобы продолжить изыскания в части прибалтийско-финского влияния на диалектный латышский язык, так как исследователь демонстрирует прекрасное знание метода и глубочайшее знание материала исследования.

ЛЕМБИТ ВАБА (Таллинн),

ИЛГА ЯНСОНЕ (Рига)

В. К. Кельмаков, Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов. Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, Москва 1993.

14 декабря 1993 г. на заседании Специализированного совета Д 002.17.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте языкознания Российской Академии наук состоялась защита докторской диссертации В. К. Кельмакова (Удмуртский государственный университет) на вышеназванную тему. Официальными оппонентами выступили доктора филологических наук Е. А. Хелимский (Москва) и Д. В. Цыганкин (Саранск) и доктор педагогических наук Г. Н. Никольская (Москва), отзыв ведущей организации представила кафедра коми и финно-угорского языкознания Сыктывкарского государственного университета.

Присуждение автору ученой степени доктора филологических наук — безоговорочно правомерное и давно заслуженное формальное признание того вклада, который Валентин Кельмакович Кельмаков внес в изучение удмуртского языка, и того места, которое он занимает в финно-угроведении как достойнейший продолжатель богатых традиций пермского языкознания и как один из нынешних лидеров нашей научной дисциплины. В современном финно-угроведении автор пользуется авторитетом крупнейшего специалиста по удмуртской диалектологии и исторической фонетике удмуртского языка. Это обусловлено не только огромным количеством научных публикаций В. К. Кельмакова, его систематическим участием с докладами в важнейших конгрессах и

конференциях, но прежде всего — тем, что в его трудах достигнут максимальный уровень обобщения и осмысления исследовавшегося историко-диалектологического материала.

Основой для этого явилось осуществленное самим В. К. Кельмаковым и под его инициативным руководством широко-масштабное изучение удмуртских диалектов. На защиту были вынесены развернутые описания ряда особенно архаичных «периферийно-южных» и южных говоров — кукморского, татышлинского, кыркы-масских, два тома изданных им в 1981 и 1990 гг. «Образцов удмуртской речи» (произведения фольклора и повествовательные тексты на срединных и северных говорах), цикл работ по диалекту (языку, как он иногда квалифицируется) бесермян и его позиции среди удмуртских диалектов и ряд других диалектологических исследований и публикаций диалектных материалов первоочередной значимости (в том числе авторский сборник «Проблемы современной удмуртской диалектологии в исследованиях и материалах», вышедший в 1992 г. и уже прорецензированный на страницах данного журнала — LU XXIX, с. 159—161). В научном докладе смогли найти лишь частичное отражение та фундаментальность и насыщенность материалом, которые характерны для суммирующих публикаций В. К. Кельмакова по удмуртской диалектологии — в частности, для обстоятельной статьи «К вопросу о диалектном членении удмуртского язы-